

Книга

ЗА ШКАФОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артём Майоров ЗА ШКАФОМ

<https://litres.ru/73940434>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывало ли у вас когда-нибудь желание скрыться от всего мира и не покидать своего укрытия?

Как долго вы сможете оставаться в таком состоянии? И когда вы решите выйти наружу, кем вы будете - тем же человеком, что и прежде, или тем, кем хотели бы быть?

Содержание

Начало	4
Глава 1.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Артём Майоров ЗА ШКАФОМ

Начало

Посвящается моему другу

Казалось, что на него смотрят.

Не оценивают.

Не угрожают.

Не ждут.

Просто смотрят – долго и спокойно, так, как смотрят на то, что никуда не денется.

Он снова закрыл глаза.

И подумал, что, когда всё это закончится, он обязательно станет другим.

Большим. Сильным. Таким, каким нужно.

Если выйдет.

Глава 1.

Двери старого жёлтого автобуса коротко вздохнули и распахнулись, впуская в салон вечерний воздух и очередных пассажиров. Люди заходили по одному – уставшие, погружённые в свои мысли, будто каждый нес на плечах невидимую тяжесть дня. Они быстро расходились по сиденьям, как фигуры в уже сыгранной партии, и в какой-то момент в салоне стало удивительно свободно. Ничего не давило, никто не дышал в затылок, никто не втискивался в проход, заставляя прижиматься к поручню так, что пальцы немели.

Автобус слегка покачивался, и в этом ритме появилось ощущение временной тишины – почти уюта. Как будто все мы оказались в одном странном, движущемся приюте, где никому ничего не нужно объяснять.

Гул мотора стал фоном, на который накладывались обрывки чужих разговоров – случайных, бессвязных, будто их выдрали из жизни и бросили в темноту салона. «...Он сказал, что больше так не может...» – «...Завтра в девять, без опозданий...» Музыка откуда-то из глубины едва пробивалась, больше ощущалась как вибрация, чем как звук – чей-то частный плейлист, не совпадающий с общим ритмом движения.

Фонарные столбы за окном вспыхивали резким белым светом и тут же исчезали. Они выхватывали отдельные дета-

ли – чьи-то глаза, складку на пальто, отражение в стекле – и снова бросали всех в темноту. Водитель не объявлял остановки уже давно. Ехал молча, будто уверен: каждый и так знает, где ему выходить. Но мы ведь не всегда знаем, правда? И даже если знаем, уверены ли?

Мы делаем вид, что держим в руках чёткий маршрут, знаем, куда и почему движемся. Но чаще всего просто надеемся, что не проедем своё – что не очнёмся вдруг в незнакомом переулке, где не поймёшь, идти ли вперёд или возвращаться назад. Может, водитель устал. А может, давно понял: настоящие остановки у каждого свои, и их никто не подписывает. Они записаны в нас самих – куда глубже, чем на табличках у дверей.

Я уставился в окно, чувствуя холод стекла. Света снаружи становилось всё меньше: мерцающие огни, сонные дома, редкие фигуры на тротуарах. Всё это проплывало мимо как съемочная площадка для чьей-то чужой жизни. И я понимал: еду не потому, что нужно в пункт Б. А потому что не мог остаться в пункте А. Движение иногда удобно выдавать за цель. И автобус – подходящее место для тех, кто этого движения боится меньше, чем остановки.

Иногда ко мне подсаживались люди, и от них веяло холодом улицы. Однажды это был парень с разбитым телефоном. Он смотрел только в него, будто это единственный кусок реальности, который у него остался. В другой раз – пожилая женщина с пакетом, из которого торчала огромная за-

мороженная рыба, аккуратно завернутая в газету. Она нервно сжимала ручки пакета, будто боялась куда-то опоздать с этим своим будущим ужином, который, казалось, значил для неё гораздо больше, чем просто еда.

Мы сидели рядом несколько остановок, делили место и движение – и между нами каждый раз возникала едва заметная связь, хрупкое соглашение о временном соседстве. Но вот двери шипели, человек выходил, растворялся во тьме, и уже через минуту его место занимал кто-то другой. А автобус двигался дальше – старый, уставший, со стеклом, прорезанным тонкими трещинами, как памятью обо всех столкновениях с реальностью.

Иногда свет в салоне гас полностью, и мы оставались в общей темноте. Люди в таких мгновениях становились почти одинаковыми – просто силуэтами. Не соседями по жизни, не персонажами своих сюжетов, а чем-то вроде временных теней, плывущих в одном направлении. И когда автобус резко тормозил и двери раскрывались, пассажиры будто выталкивались наружу невидимой силой – в ту жизнь, которая могла их ждать, а могла быть к ним совершенно равнодушной.

И вот – главный вопрос, от которого сложно увернуться: нас вообще где-то ждут? Есть ли нам куда идти? Не просто помещение с кроватью – оно найдётся. А Дом. То место, куда тянет не из-за тепла батареи, а из-за того, что там есть кому открыться. Где твое молчание не звучит пустотой. Где тебя замечают, даже если ты ничего не говоришь. И если такого

места нет – что тогда? Если возвращаешься в тихую квартиру только потому, что больше некуда? Когда ключ в руке – просто кусок металла, открывающий дверь в пустоту?

Окно снова стало моей единственной точкой опоры. За ним продолжали сменяться улицы, лица, какие-то случайные сцены. Сиденья то заполнялись, то пустели – равнодушно, без пауз. Кондуктор проходил по салону, его сумка поблёкла от времени, а выражение лица казалось выжженным: будто он видел уже слишком много и давно перестал удивляться.

Я смотрел на пассажиров и думал: куда они торопятся? Есть ли у них свой маяк, который освещает дорогу в темноте? Или они тоже едут просто так, откуда-то куда-то, пытаюсь поймать в отражении окна хоть какой-то свет, чтобы почувствовать себя не совсем одинокими в этой огромной, равнодушной жизни?

И чем больше я смотрел, тем яснее понимал: мы – не пассажиры. Мы – люди, зависшие между остановками. Заложники маршрута, о котором никто толком не спрашивал. Роднит нас только отражение собственного одиночества на запотевших стеклах, пока за окном проносится жизнь.

Когда двери в очередной раз резко пискнули и открылись, звук прорезал воздух так резко, что стало ясно: поездка закончилась. Я вышел. На улице почти не было людей – только редкие огни в окнах серых домов. Одно окно светилось фиолетовым, как чья-то бессонная тревога, и его свет падал

на кривой фонарный столб, будто воткнутый в грязный снег. Столб стоял криво, но освещал дорогу – даже если по ней уже никто не шёл. Он будто говорил: вот моё дело. Стоять и светить, даже если никому не нужно.

Где-то вдали завывала сирена. А я стоял и смотрел, как автобус медленно исчезает в темноте – со всеми своими тенями, голосами, случайными историями и людьми, которых я уже вряд ли увижу.

Люди вокруг расходились по домам медленно, будто немного приторможенные вечерней усталостью. Кто-то тащил пакет с продуктами, кто-то прижимал к уху телефон, кивая в пустоту, кто-то просто шёл, слегка сутулясь, словно день забрал у него чуть больше, чем следовало. Они растворялись в подъездах, во дворах, в освещённых окнах, где начиналась их жизнь после работы – со своими разговорами, запахами ужина, привычными голосами. Я смотрел на них и думал, что у каждого здесь есть дверь, за которой его ждут. Или хотя бы кто-то, кто привык к его шагам на лестнице.

А я шёл без спешки, будто растягивая путь, – потому что чем дальше идёшь, тем меньше времени остаётся на тишину за дверью.

Окна домов вспыхивали одно за другим – как бы ни был город серым днём, ночью в нём появлялась мягкость. На кухнях мыли овощи, стучали ножами, кто-то включал радио и пел под нос, не попадая ни в одну ноту. В гостиных мелькали голубоватые экраны, и по ним было понятно: где смотрят

новости, где – сериал, где – просто оставили телевизор фоном, чтобы не было слишком тихо. В детских мелькал тусклый свет ночников, маленькие обрывки теней, которые двигались так, будто весь мир там – в этой невысокой кровати и плюшевом медведе у подушки.

Я стоял минуту, может две, и смотрел на эти окна, как на сотни небольших историй. Откуда-то из подъезда пахнуло жареной курицей – тёплым, домашним, успокаивающим запахом. Откуда-то ещё – мандаринами. Это был такой настоящий вечер: уставший, простой, понятный всем. Только я был в нём как зритель, а не как участник.

Снег под ногами хрустел – влажный, рыхлый, сбитый до плотной каши. Дворовые берёзы стояли вдоль тропинки, стряхивая с веток редкие капли талого снега, которые падали на землю с глухим звуком. Я провёл ладонью по одному из стволов – холодный, шероховатый, живой. Эти деревья росли здесь десятки лет. Видели, как меняются окна, жилыцы, даже лавки возле подъезда. Видели всех, но никого не помнили. И всё же что-то в их молчаливом присутствии давало ощущение, что место не совсем пустое.

Дальше тропинка переходила в протоптанную дорожку, которая тянулась между домами – узкая, залитая тусклым светом фонарей. Я ускорил шаг, чувствуя, как вечереющий воздух становится острее, будто потянуло чем-то сырым и металлическим. Тень от фонаря вытянулась впереди длинной полосой – не похожей ни на меня, ни на кого другого.

Она двигалась чуть быстрее, чем я, и это отчего-то раздражало: будто тень знает, куда идти, а я – нет.

Мимо проезжали машины – редкие, в основном с одинокими водителями, которые спешили домой так же машинально, как и те прохожие. Снопы света скользили по мокрому асфальту, и на секунду всё вокруг становилось ярче, а потом снова падало в мягкую темноту. Ветер гнал по тротуару обрывки старых пакетов, и каждый звук был замечен – скрип снега, тягучий гул далёкой дороги, лай собаки в соседнем дворе.

На очередном ледяном участке, блестящем под фонарём, я сбавил шаг. Лёд был тонкий, почти прозрачный – тот самый, что появляется, когда днём чуть теплеет, а вечером снова поджигает мороз. Приходилось идти осторожно, будто каждое движение требовало проверки: не подведёт ли поверхность в этот раз. Я раскинул руки чуть шире – неуклюже, но это помогало держать равновесие.

Над городом висело тяжёлое небо, в котором не было ни звёзд, ни луны – только слабое свечение от огней, тонкая пелена, под которой дышал холод. Вдалеке поднимались трубы ТЭЦ, большие, тёмные, чуть дрожащие в дымке. Из них поднимался пар – медленный, густой, окрашенный в красноватый оттенок от уличных фонарей. Он был похож на дыхание огромного существа, которое живёт где-то там, на краю города, и равномерно выдыхает тепло, пока мы идём по своим делам.

Я смотрел на эти трубы и думал, что город действительно похож на что-то огромное и живое – только у него нет особой цели. Он просто движется инерцией, шумит, светится, дышит, и все мы внутри него живём на своих небольших маршрутах, часто не понимая, куда они ведут. И сегодня я тоже был частью этого – человеком, который идёт по скользкой дороге домой, не особенно спеша, но и не останавливаясь.

И в этой простоте, в этих шагов десять вперёд, потом ещё десять, было что-то тихое, почти честное. Я шёл туда, где меня ждали только стены, тусклая лампа на кухне и размеренное движение черепахи в аквариуме. Но почему-то именно это движение – медленное, уверенное – давало ощущение, что не всё так пусто, как кажется.

И я продолжал идти, не думая больше ни о чужих окнах, ни о трещинах льда под ногами. Просто шагал – вперёд, туда, где кончалась дорога и начинался дом.

4 СМ.

Когда я переступил порог подъезда, меня сразу обдало влажным, почти липким теплом – оно мягко легло на лицо, контрастируя с вечерней стужей, что цеплялась за куртку, будто не желала отпускать. Запах старого линолеума, немного сырости, тонкая нота чьих-то духов и лёгкий, почти стыдливый шлейф сигаретного дыма – всё это смешивалось в привычную, густую, странно уютную смесь, в которой всегда чувствовалось что-то родное. Дом встречал меня так каждый день, будто вздыхал при виде знакомого шага.

Проходя мимо почтовых ящиков, я машинально остановился. Металлическая дверца моего ящика под номером 37 скрипнула – раздражённо и устало, как будто ей надоело, что я уделяю ей столько внимания без особой на то причины. Внутри лежала аккуратная стопка рекламных листовок – чёрно-белых, цветных, блестящих, всех сразу. «Скидки!», «Акция!», «Только сегодня!» – визжали заголовки, словно отчаянно пытались убедить меня, что в их мире есть что-то для меня важное. Я даже не стал рассматривать, просто сжал в ладони и отправил всё в урну. Ящик захлопнулся с недовольно-резким щелчком – словно обиделся.

В коридоре пахло краской и залежавшимися газетами. Где-то наверху шаркнуло – кто-то двигал мебель или просто неудачно поставил ногу. Я остановился перед лифтом: двери были распахнуты, словно приглашали войти в ярко освещённую кабину. Изнутри на меня смотрело зеркало, безжалостное в своей правдивости. Я увидел знакомый силуэт – поношенная синяя куртка, сумка с потрёпанными уголками, вязаная шапка, съехавшая набок так, будто весь вечер пыталась убежать с головы.

Обычно я избегаю этих встреч с самим собой. Скользну взглядом – и дальше, в пустоту, в мысли, куда угодно, лишь бы не фиксироваться на отражении. Но сегодня что-то задержало меня. Может быть, странная тишина подъезда, может быть, эта слегка перекошенная шапка, которая делала мой вид ещё более нелепым, чем обычно. Я поднял руку,

чуть подтянул её, и в этот момент лифт издал металлический вздох – двери начали закрываться. Кто-то вызвал его сверху.

Я не стал спешить. Без раздражения, без сожаления повернулся и пошёл к лестнице. Подъём пешком был даже в каком-то смысле приятен – как будто позволял растянуть расстояние между рабочим днём и домом. На площадках стояли велосипеды, самокаты, детские коляски – молчаливые следы тех, у кого здесь есть кто-то, кто ждёт, кому нужен ты, кто заполняет пространство шумом, вопросами, смехом.

Я же жил на этаже, где всегда было слишком тихо.

Поднимаясь, я вспомнил, как когда-то летом забрался на самый верхний этаж – просто чтобы посмотреть вниз, на двор, утопающий в закатном золоте. Тогда лучи солнца заставляли тени от перил длинно тянуться по стенам, будто те танцевали медленный танец. Сейчас такого не было. Снаружи царила глубокая, плотная тьма, и лишь редкие фонари рисовали бледные островки света на снегу.

Когда я подошел к двери, ключи выпали из кармана. Металл был холодным, как будто только что из холодильника. Щелчок, тихий, почти домашний, и дверь распахнулась.

Внутри стоял мягкий полумрак. Свет от уличных фонарей пробивался сквозь занавеску. Она шевелилась в такт сквозняку – плавно, чуть устало, словно двигалась в каком-то водянистом сне. Когда я закрыл дверь, движение ткани прекратилось, и комната будто замерла, задержала дыхание.

Только один угол жил своей жизнью – там тёплый, уютный

свет лампы сиял в большом аквариуме.

Да, я жил не один.

В этом углу, в мягком свете, жил Толик – черепаха, которой шёл уже не первый десяток лет. Даже не десяток, а два, а то и три. Бывали моменты, когда я смотрел на его морщинистую морду и думал, что он застал ещё те времена, когда я ходил в коротких штанах, когда мой дом был совсем не этим, а длинным коридором детдома, пахнущим супом и хлоркой.

Иногда я ловил себя на том, что мне хочется назвать его как-то солиднее – с отчеством, вроде бы шутливо, а вроде бы и всерьёз. Но отчества я не знал. Да и сам Толик вряд ли нуждался в дополнительных украшениях. Он был частью комнаты, её вечным и неизменно тёплым элементом. Я ценил его выше многого в жизни.

Мы встретились семь лет назад. Тогда, по случайности, я попал в детский сад, который закрывали. Мне нужно было разобрать и перевести компьютеры в их методическом кабинете, а вышло так, что я попал в день прощания – если это вообще можно назвать днём. Скорее, это была тихая, печальная уборка истории: складывали в коробки игрушки, снимали со стен рисунки, выбрасывали старые, пожелтевшие поделки. Звуки были приглушёнными: шаги, шорох бумаги, негромкие голоса – всё будто понимало, что здесь кончается маленькая жизнь.

И среди этой суеты была одна комната, где времени будто не существовало – живой уголок. Там стоял старый аква-

риум, тёплая лампа ещё горела, словно не желая гаснуть, и в центре этого остывающего мира сидел он – Толик. Он выглядел так спокойно, так уверенно, будто происходящее не имело к нему никакого отношения. Будто он видел уже десятки таких закрытий, перестроек, перемен.

Заведующая сказала, что не знает, что с ним делать.

– Он у нас давно... – она погладила стекло так, словно проводила рукой по плечу старому знакомому. – Очень давно. Его даже родители нынешних детей помнят. Представляете?

Я представил. И в этот момент что-то внутри меня легло на место. Как будто вместо черепахи я увидел кого-то, кому знакома привычка жить без гарантий, что тебя оставят.

Оказалось, что Толика много кто брал домой. Он почти стал местной легендой. Дети вымаливали его у родителей – кто слезами, кто обещаниями вести себя хорошо. И родители, чаще всего не зная, что с этим делать, уступали.

Но черепаха – не игрушка. Она не милая собачка, не пушистый котёнок. Она не ластится, не играет, не радуется, когда ты приходишь. Она делает то, что делает черепаха: живёт. Медленно, честно, спокойно.

Поэтому недели не проходило, как Толика приносили обратно:

«Он ничего не делает».

«Он скучный».

«Он не играет».

И Толик возвращался – без обид, без ожиданий, просто продолжал свою тихую жизнь. Он был частью этого сада, как старая полка или потёртая скамейка. Детям нравилось его любить, но никто не выдерживал любить долго.

И годы шли. Дети менялись, воспитатели тоже. В группах становилось тише. И когда приходили новые родители, которые сами когда-то ходили сюда детьми, они удивлялись:

– Он ещё здесь?

Смотрели так, будто встретили кого-то из своего прошлого – неожиданно, но тепло.

Когда садик решили закрыть окончательно, вопрос о Толике стал серьёзным. Его нельзя было «просто куда-нибудь деть». Он слишком многое видел, слишком много здесь пережил, чтобы стать очередной вещью, которую выбрасывают при переезде.

Я услышал разговор случайно. И так же случайно сказал:

– Я могу его забрать.

Не раздумывая. Вообще. Как будто говорил не я, а кто-то внутри меня, кто понимал всё раньше, чем я сам.

Заведующая обрадовалась так искренне, что я даже смутился. Будто я взял на себя не черепаху, а ответственность за память, за годы, за то, что нельзя потерять.

Так Толик оказался у меня. Без драм, без сюжета – просто потому, что я пришёл туда в нужный момент. А может,

потому, что он ждал.

И вот уже семь лет мы живём вместе – два тихих соседа на двадцати четырёх квадратных метрах. Мы редко нарушаем тишину. Наверное, поэтому каждый его шаг, каждое лёгкое шуршание слышатся особенно отчётливо. Пустые стены подхватывают звук, немного усиливают его – как будто Толик ходит не просто так, а проверяет: на месте ли я.

Иногда он поднимает голову и смотрит на меня. Не просит еды, не требует внимания – просто смотрит, спокойно, прямо. Так, как умеют смотреть только те, кто никого не винит.

И в этом взгляде есть то редкое спокойствие, которого мне часто не хватало в людях.

Сняв куртку, я заметил на подошве ботинка яркую листовку – должно быть, выпала, когда я выбрасывал рекламу внизу. На ней было старинное кресло и надпись: «Антикварная мебель. Реставрация. Продажа». Я машинально сунул её в карман – потом выброшу.

Из-под двери ванной доносилось слабое журчание воды. Значит, утром плохо закрыл кран. В кухне тоже горел свет – видимо, забыл выключить, убегая на работу.

«Куда же я так спешил сегодня?» – промелькнуло у меня.

Моя работа – ремонт компьютеров в муниципальных учреждениях. Школы, медицинские учреждения, детские сады и многое другое... почти всегда техника там старше тех, кто за ней сидит. А сидят за ней обычно пожилые, для которых компьютер – это что-то вроде шкатулки с секретом:

трогать можно, но страшно.

Я прошёл на кухню. Тёплый свет лампы мягко ложился на стены, на старый чайник, который стоял на плите так, будто терпеливо ждал меня весь день. Я вдруг понял, что с утра не пил ничего горячего. Даже глотка чая.

И теперь стоял перед простым, но важным выбором:

чашка спокойного, тёплого чая или густой, настойчивый кофе, который прогонит остатки вечерней усталости.

Иногда именно такие маленькие выборы становятся точкой, где день ещё можно подчинить себе.

Сегодня я впервые за долгое время почувствовал, что могу выбрать.

Мысль о кофе проскочила и погасла, как спичка: ярко – и сразу в темноту. Хотелось чая. Простого, тёплого, с лимоном – чтобы хотя бы в кружке было немного порядка. Чайник на плите зашипел, словно недовольно: опять его подняли с места, опять заставили работать.

Я открыл форточку, и в кухню втянулся воздух – холодный, настойчивый, будто пришёл напомнить, что холодный февраль никуда не делся. Достал сигареты, зажигалку и тот самый рекламный листок, который прилип к подошве и выглядел как письмо самому себе, которое не хочется открывать.

Огонёк вспыхнул, и в тёмном стекле на секунду показалось лицо – чуть усталое, чуть чужое, такое, которое не вы-

бираешь, просто смиряешься с ним. Дым вышел через форточку, растворяясь в морозе, а я почти почувствовал, как холод забирает у него тепло.

Чайник взвыл. Я затушил сигарету о банку-пепельницу, поставил кружку, насыпал сахар. Лимон пах так резко, что кухня будто вздрогнула. Пакетик медленно темнел в кипятке, и этот янтарный цвет на секунду давал ощущение, будто вечер всё-таки хочет успокоиться.

С кружкой я перешёл в комнату. Свет лампы разрезал полумрак, подчеркивая всё ненужное: продавленный диван, поцарапанный стол, тумбочку с книгой, которую я читаю уже третий месяц. Комната выглядела не как дом, а как пространство, в котором временно переживают.

Аквариум – единственное место, где было по-настоящему тепло.

Толик спал. С жёлтой резиновой уткой в угол, как всегда, будто берег какую-то свою старую тайну, которой со мной делиться не собирался. И от этого угла шёл мягкий свет – единственный честный свет во всей квартире.

Я сделал глоток – чай уже остывал. За окном шёл какой-то свой вечер: шаги, голоса, редкий смех. Все эти звуки казались мне чем-то цельным, большим, живым. А я в этой тишине стоял с кружкой, как наблюдатель, у которого нет роли в происходящем.

Телефон мигнул: «Завтра утром зайдите в школу №9, у них проблемы с принтером». Ничего нового. Эти принтеры

будто нарочно выбирают самое неподходящее время, чтобы сломаться. Завтра разберусь.

Вернулся на кухню за лимоном, снова закурил у окна. И вдруг подумал: сколько таких, как я, сейчас стоят у своих окон? Курят, пьют чай, смотрят на чёрный двор, будто пытаются разглядеть там что-то важное.

Живот напомнил о себе – поздно ужинать уже не хотелось. Да и незачем: еда редко меняет что-то в вечерах.

Чай допит, сигарета потушена. Осталось только выполнить свой обычный ритуал – умыться, выключить свет и лечь в постель, где каждый вечер задаю один и тот же вопрос о дне недели, будто это может что-то исправить.

Четверг.

Как всегда – мимо.

Неделя утекает сквозь пальцы, а жизнь просто идёт своим шагом – неторопливо, тихо, чуть одиноко, но всё-таки идёт.
– Спокойной ночи, Толя, – сказал я в тёплую полутьму.

И впервые за весь день почувствовал хоть какое-то спокойствие.

Я проснулся раньше будильника – как будто тело само решило, что хватит притворяться, будто удалось выспаться. В глазах – тяжесть, в голове – та же вязкая пустота, что бывает перед долгой дорогой. Потолок расплывался, и я несколько секунд пытался понять, где нахожусь, пока не услышал ти-

хий шум фильтра в аквариуме. Значит, дома. Всё на месте. Ночь за окном ещё держалась, чёрная и плотная, как нерастаявший лёд.

Я сел на край дивана. Ладони сами нашли глаза, прижимая веки – будто можно выдавить усталость, если нажать сильнее. Не получилось.

– Доброе утро, Толя, – сказал я, повернув голову.

Толик, свернувшись в дальнем углу аквариума, даже не шевельнул лапой. Спал. Иногда я ему завидовал – как легко он прячется в панцирь от всего мира. Я бы тоже сейчас с удовольствием повернулся в угол и не выходил оттуда пару часов.

В ванной зеркало показало меня без прикрас: серые тени под глазами, бледная кожа, взгляд человека, который давно не удивляется утру. Холодная вода помогла только коже – мысли остались спутанными, как провода в старом ящике с инструментами.

На кухне холодильник глухо загудел, будто выразил недовольство, что я снова лезу к нему ни свет ни заря. Узкий луч лампы высветил масло в мятой упаковке, кусок сыра, банку кетчупа – всё то же, что и вчера. Я достал банку с кофе и насыпал его в кружку. Горячая вода тонкой струёй прошла через коричневую пыль. Аромат медленно расплзся по кухне – густой, терпкий – и лёг поверх запаха подтаявшего масла.

Пока кофе остывал, я смотрел в окно. Ночь медленно

уступала место рассвету: черное небо на горизонте светлело, становясь серым. Казалось, весь мир затаил дыхание и не спешит его выпустить.

Завтрак вышел примитивный: хлеб, сыр, горячий кофе. Первый глоток обжёг язык, но я только кивнул самому себе. Так даже лучше – утро не любит нежностей.

Потом сигарета. Окно приоткрыто, холод пробирается под рубашку. Я заметил рекламный листок на подоконнике – смятый, но всё ещё читаемый: *«Антикварная мебель. XIX век. Реставрация»*.

Я даже представил, как в моей квартире стоит массивный шкаф с резными дверцами, пахнущий старым деревом. На секунду он будто вписался в интерьер, а потом – растворился. Двадцать четыре метра – не место для прошлого. Я скомкал листок и бросил в урну.

В прихожей я задержался. Наклонился к аквариуму...
– Толь, я ушёл. Буду вечером.

Коридор встретил тусклым светом и гулким эхом шагов. Я замер – сверху доносился ритмичный стук, будто кто-то методично бил железным прутом по батарее. Звук царапал нервы, вызывая смутное беспокойство.

И вдруг источник шума появился передо мной.

Маленький мальчик в тёплом комбинезоне спускался по лестнице, волоча за собой санки. Те гремели по ступеням, как будто кто-то стучал арматурой по батареям, нарушая тишину.

– Здравствуйте, – сказал он, улыбаясь.

Его голос прозвучал неожиданно звонко.

Я кивнул, а он, не оглядываясь, побрел дальше вниз. Санки стучали по перилам, пока не скрылись за стенами подъезда.

Во дворе воздух оказался резче, чем я ожидал. Машины стояли под снегом, словно укрытые одеялами, и вяло дымили выхлопами. Пар клубился в холоде белыми облаками – на секунду напомнил дым из старой русской печи, только без деревенского тепла.

Я пошёл по утоптанной тропинке между домами. Под ногами снег хрустел так звонко, будто боялся проснуться окончательно. Небо на востоке светлело розовыми мазками, но солнце пока не показывалось – будто не спешило вступить в этот день.

Город лениво приходил в себя.

Панельные дома стояли ровными рядами, одинаковые до смешного. Светофоры привычно мигали жёлтым, пропуская редкие машины. Я шёл и смотрел на стены, на окна, на одинаковые балконы – будто пытался выцепить среди бетона хоть что-то живое, но находил только собственное отражение в мутных стеклопакетах.

Так начиналось утро. Обычное. Слишком знакомое. Слишком тихое. И всё-таки – моё.

5СМ.

Я шёл к школе, и чем ближе подходил, тем более плотным

становился шум – будто внутри здания крутилось огромное колесо, наматывающее на себя голоса, шаги, смех. Этот шум всегда действовал на меня особенным образом: не было ни чувств ностальгии, ни воспоминаний – просто ощущение чужой жизни, в которой мне приходится появляться иногда.

У спортивной площадки трое подростков курили. Сигарета переходила из руки в руку, как трофей. Они старались делать вид, что им всё равно, но по глазам было видно – нервничают.

– Сигареткой угостите? – спросил один. Слишком дерзко для уверенного человека, слишком тихо для храброго.

Я достал пачку. Пока вытаскивал сигареты, поднял голову – и на втором этаже заметил учительницу, которая смотрела прямо сюда. На них. И на меня. Не обвиняя, просто... наблюдая. Как человек, который видел такое сотни раз и перестал удивляться.

– Две можно? – спросил парень.

– Бери.

Когда я снова взглянул на окно – оно уже пустовало. Только свет скользил по стеклу.

Звонок ударил резко, как будильник. Птицы сорвались с дерева. Пацаны заторопились, будто ничего и не было.

Я вошёл в школу. Коридор встретил шумом, но привычного запаха выпечки из столовой еще не было, школу еще только начинали будить неторопливые сонные ученики.

У стены сидел вахтёр – старик с газетой.

Когда я подошёл, он медленно оторвался от мелкого текста.

– Здравствуйте, – сказал я.

– Здравствуй, – ответил он спокойно, как будто видит меня впервые.

Я объяснил, что пришёл по заявке. Он просто указал газетой вглубь коридора и снова опустил глаза.

Тихий человек, который держится за эту школу так же крепко, как держит свою газету.

Я шёл мимо стен с облупившейся краской. Мне всё время казалось, что сейчас откуда-то выйдет учитель и спросит, почему я без сменки и где мой дневник. Странно – мне никогда никто такого не говорил, но образ сидел в голове. Наверное, от фильмов.

Кабинет информатики погрузился в почти звенящую тишину. Из коридора доносились голоса, смех и шаги, но здесь царила своя особая атмосфера покоя.

Я уже собирался закрыть дверь, решив, что никого нет, как вдруг:

– Ой... секундочку... я тут...

Что-то шевельнулось у окна.

Штора дернулась – сначала чуть-чуть, потом резче, будто кто-то там запутался в ней окончательно.

Я сделал шаг вперёд.

– Эм... вы за принтером? – раздалось оттуда, неловко и чуть смущённо.

Через секунду показалась рука. Потом – локоть. И ещё немного – часть головы.

Марина Сергеевна действительно увязла в шторе: ткань обмоталась вокруг её плеча и зацепилась за браслет.

Она попыталась высвободиться сама, но только сильнее натянула ткань – и стоящий рядом горшок опасно покачнулся.

– Сейчас, – сказал я, поймав фикус, прежде чем он рухнул.

– Ох... нет, правда, я уже... почти... – пробормотала она, но выглядело так, будто «почти» это последние пять минут.

Я аккуратно развернул ткань от её руки и освободил браслет. Штора наконец отпустила её, и она сделала шаг назад, выдыхая.

– Спасибо, – сказала она, отбрасывая прядь волос за ухо. – Не спрашивайте... Я просто решила полить цветок, а дальше всё пошло... не по плану.

Я взглянул на перекошенный фикус и чуть сбитую штору.

– Похоже, цветок пытался сбежать, – заметил я сухо.

Она тихо рассмеялась, смущённо.

– Иногда мне так и кажется.

Она кивнула на стол:

– Принтер... там. Он снова не печатает.

Когда я подошёл ближе, всё стало ясно без слов.

Из подающего лотка торчали два рваных куска бумаги. Внутри – ещё один, вдавленный так глубоко, что почти исчез. Ролик подачи зажевал его так плотно, будто хотел оставить себе.

– Мы пытались вытащить, – тихо сказала она, виновато опустив взгляд. – Я и несколько ребят из 9 «Б». Но ничего не вышло.

Я подсветил телефоном внутренности принтера.

– Да. Бумагу тянули неправильно – ролик заклинило, а датчик уровня застрял. Его надо разбирать полностью.

– Разбирать... – повторила она, будто это слово было чем-то торжественным.

– Я знала, что вы так скажете.

Она посмотрела на меня чуть дольше, чем просто «ожидание объяснения».

Мне стало немного не по себе – не неприятно, просто непривычно.

Я отсоединил кабели, аккуратно свернул провод.

– Дядь Юра на месте? – спросил я. – Лучше разобрать всё у него. Здесь сейчас урок будет, мне не развернуться.

– Да, он сегодня утром заходил в подсобку, – кивнула она.

– Значит, должен быть там.

Потом добавила, чуть мягче:

– Вам помочь донести?

Я покачал головой.

– Нет, спасибо. Справлюсь.

Она кивнула, но взгляд стал... тише.

Взгляд человека, которому хотелось бы остаться рядом ещё немного.

– Если что-то понадобится, зовите меня, – сказала она. – Буду здесь. Или... в учительской.

Я взял принтер, закинул провод на руку.

Она проводила меня до двери – на этот раз обходя штору так аккуратно, будто боялась повторения.

– Удачи вам там, – сказала она, чуть улыбаясь. – Юрий Николаевич бурчит, но он добрый. Просто... У него свои порядки.

– Знаю, – ответил я.

Вышел в коридор. Шум школы обрушился снова – звонки, шаги, голоса.

За дверью ещё секунду стояла тишина.

А потом из кабинета прозвучало лёгкое, едва слышное:

– Осторожнее...
Я не обернулся.

Шёл по коридору к подсобке завхоза с тяжёлым пузатым принтером на руках. Корпус пожелтел от времени, местами потрескался, но упрямо пытался работать. Из-за туч на мгновение вырвался солнечный луч и ударил в глаза – пришлось немного зажмуриться. Через секунду свет исчез, и коридор снова остался под тусклым ламповым сиянием.

Поставил принтер на подоконник и постучал в дверь.

– Дядь Юр? – позвал я.

В глубине послышалось радио. Я приоткрыл дверь и шагнул внутрь.

– Есть кто-нибудь? – спросил чуть громче.

Из подсобки вышел Юрий Николаевич – невысокий, седой, в выцветшей спецовке. В руке – кружка с чаем, на пальцах – следы от сотен тысяч сигарет.

– Здравствуй... Ну что, опять авария? – прищурился он.

– Похоже на то, – сказал я и поставил принтер на стол.

– Куртку кидай на стул. Тут порядок условный, – махнул он рукой, в которой держал сушку, в сторону стула.

Я снял куртку, пожал ему руку.

– Как оно? – спросил он.

– Работаю, – ответил я.

Он наклонился к принтеру, посмотрел на корпус, затем на меня.

– Это у тебя компьютер, что ли?– Скорее, его «печатный придаток», – сказал я. – Бумагу отдавать не хотел.

Юрий фыркнул, поставил кружку рядом.

– Чай будешь?

– Не, спасибо.

Я открутил корпус, подсветил телефоном. Внутри вал был забит рваными кусками бумаги – потянули лист назад, он порвался, намотался на ролик и заклинил датчик.

– Вот так, – объяснил я. – Тянули силой. Ролик клинанул, датчик заблокировался, дальше всё – глухо.

Дядь Юра наблюдал внимательно, но без вмешательства – как человек, который видел подобное много раз, но всё равно любит смотреть, как другой работает руками.

Я вытащил куски бумаги, прочистил механизм, прикрутил корпус назад. Мы подключили принтер – зелёный индикатор загорелся ровно.

– Простая бумага, – сказал я. – А сломала технику.

Юрий Николаевич медленно отломил кусочек сушки, жуя и глядя в окно.

– Сколько жизней у нас ломается из-за этой простой бумаги... – произнёс он. Это не был вопрос – просто тихая философия.

Я ничего не ответил. Иногда лучше просто промолчать, явно он хотел рассказать какую-то историю, связанную с чем-то несправедливым.

Я начал надевать куртку. Он посмотрел на меня чуть мяг-

че, чем обычно, – будто ещё пару слов хотел сказать и ждал мою реакцию.

– Давно вы здесь работаете? – поинтересовался я, понимая, что он хотел бы продолжить разговор, но не мог подобрать подходящую тему. Я решил помочь ему, и он явно этому обрадовался.

– Почти сорок пять лет, – сказал он, словно проверяя цифру на вкус. – После училища сюда пришёл. Тут с женой и познакомился. Свадьбу в столовой играли... Вот так.

Глаза его на секунду стали моложе – будто он видел не стеллажи и инструменты, а те годы.

Он почесал бороду и, немного оживившись, добавил:

– А знаешь, как мы вообще сошлись? – Он усмехнулся. – Она тогда в медпункте работала. И... – Он поднял палец, делая вид, что раскрывает страшный секрет, – она сама лампочки выкручивала, специально. Чтобы я приходил менять. Представляешь? Говорила: «Ой, перегорела», а по голосу слышно – не перегорела она, она её выкрутила. – Красавица была... Да и голова на плечах, – улыбнулся он. – Ну, я и бежал. Так и закрутилось.

Он сделал глоток чая и уже спокойнее добавил, как будто между делом, но с прицельным уколom:

А твоя молодая учительница... Хорошая девка. Глаза живые. Может, она эту машинку тоже не просто так ломает. Чтобы ты приходил чаще. А чего? Мне ли не знать – техника страдает первой, когда людям хочется внимания.

Он тихо рассмеялся. Я не стал ничего говорить – просто чуть улыбнулся.

– Ну всё, – сказал он, вернув кружку на место. – Иди, а то она тебя уже там заждалась. А я тут радио дослушаю.

Коридор жил своей шумной, неугомонной жизнью – той самой, что бывает только в школьных стенах в разгар учебного дня. Из открытых дверей кабинетов то и дело появлялись старшеклассники. Одни оживлённо перебрасывались шутками, смеясь так громко, что эхо разносило их голоса по всему этажу.

Другие молча шагали вперёд, судорожно сжимая в руках тетради, словно те могли стать спасительным талисманом перед грядущей контрольной. Учителя, едва успевая за стремительным потоком учеников, на ходу напоминали о важности предстоящих работ.

Их голоса тонули в общем гуле, но всё же пробивались сквозь него – настойчивые, требовательные, полные заботы. С нижних этажей доносился детский смех – звонкий, беззаботный, по-настоящему искренний. В нём не было ни тени усталости, ни намёка на осторожность, присущую старшим. Это был смех тех, кто ещё не знает тягот взрослой жизни, кто живёт моментом и радуется каждому мгновению.

Всё это – привычный школьный гам, хаос звуков, из которых складывается повседневная жизнь учебного заведения. Но для меня он никогда не был родным. Каждый раз, погружаясь в этот шум, я ощущал себя чужаком в этом мире, где

всё казалось таким знакомым и в то же время неизвестным для меня. Я медленно пробирался сквозь бурлящий поток учеников, изо всех сил удерживая старый принтер.

Он оказался куда тяжелее, чем можно было предположить по внешнему виду: пожелтевший от времени пластик, поцарапанный корпус и огромный инвентарный номер, нанесенный белой краской, – техника с характером, пережившая не одно поколение школьников. Ученики невольно расступались передо мной. Не из уважения – просто из осторожности. Никто не хотел случайно попасть под руку или оказаться на пути этого громоздкого ящика. Когда я наконец добрался до кабинета информатики, контраст с коридором стал очевиден. Здесь царила иная атмосфера – более спокойная, сосредоточенная. Несколько ребят уже сидели за партами, тихо переговариваясь и ожидая начала урока.

Они сидели расслабленно, их взгляды были равнодушными. Принтер, установленный на своё привычное место, занял пространство с такой уверенностью, будто никогда и не покидал его. Он словно заявил свои права на этот уголок кабинета, напоминая о своей незыблемой роли в учебном процессе. Я принялся подключать кабели. Спустя мгновение индикатор на корпусе мигнул, а сам аппарат издал приглушённый гул – будто нехотя возвращался к жизни после долгого сна. Машина оживала, готовясь вновь служить людям. По взглядам учеников я без труда понял: доверия к принтеру у них было едва ли больше, чем ко мне. В их глазах читалось со-

мнение – не столько в моих способностях, сколько в способности этой старой техники выполнять свои функции. Вдруг с передней парты поднялся высокий рыжий парень. На его лице застыла раздражённая ухмылка, а в глазах сверкала искра недовольства. – Когда наконец этот хлам уберут? – бросил он, глядя на принтер с явным презрением. Его взгляд был прямым и вызывающим, словно он ожидал, что я тут же подхвачу его шутку и с радостью вынесу этот «хлам» из кабинета.

В его манере чувствовалась уверенность человека, привыкшего к тому, что его мнение всегда учитывается. – Он ещё работает, – ответил я спокойно, стараясь не выдать внутреннего раздражения. Внутри у меня всё слегка сжалось, но не из-за принтера. Это было нечто большее – ощущение неуверенности, которое всегда настигало меня в моменты открытого противостояния. В этот момент с задней парты, не отрываясь от экрана телефона, раздался голос: – Тут всё старьё. Абсолютно всё. Эти слова уже не относились к принтеру – они были о школе в целом.

О её стенах, покрытых трещинами времени, о скрипучих партах, о технике, которую давно следовало заменить. Здесь предпочитают чинить, а не избавляться, привыкли мириться с недостатками, проще говоря, здесь не принято что-то менять, если что-то устарело и перестало функционировать должным образом. Я промолчал. Что тут можно было сказать? Да, техника старая, стены облупленные, парты скрипят

– но всё это до сих пор держится, работает. Пока. В этом была своя философия, свой негласный закон: если что-то работает, пусть даже с трудом, его не трогают. Если оно служит, пусть даже не идеально, его оставляют. Это было частью школьной жизни – той самой, которую я пытался понять, но так и не смог до конца принять.

Внезапно раздался звонок – резкий, дребезжащий, словно старый будильник, который вот-вот сломается. Ученики мгновенно заняли свои места, а в класс вошла учительница информатики. Она двигалась с особой грацией – спокойно, уверенно, без лишней суеты. Её шаги были размеренными, а движения – точными. Подойдя к столу, она сначала внимательно осмотрела принтер, затем взглянула на клочки бумаги, наконец перевела взгляд на меня. В её глазах не было ни раздражения, ни нетерпения – только спокойное внимание, словно она пыталась прочесть что-то важное в моём лице. – Всё в порядке? – спросила она коротко, но с той особой интонацией, которая говорила больше, чем слова. – Работает, – ответил я, нажимая кнопку тестовой печати.

Бумага вышла ровно, без замятий, без лишних шумов. Это был маленький триумф – подтверждение того, что старая техника ещё способна послужить. Учительница взяла лист, внимательно изучила его и тихо произнесла: – Техника с тобой ведёт себя безупречно. Её слова прозвучали без тени игры, но с искренней теплотой. В них было что-то большее, чем простая похвала – словно она действительно замечала

меня, а не только человека, который починил ее принтер. На мгновение её взгляд задержался на мне дольше, чем требовалось. Совсем чуть-чуть – но достаточно, чтобы я это почувствовал.

В этом взгляде было что-то неуловимое, что-то, что заставило моё сердце биться чуть быстрее. Затем она резко повернулась к классу, и её голос мгновенно стал строгим, учительским – тем самым, который все знали и уважали. Я направился к двери, унося с собой ощущение этой короткой, едва заметной паузы, оставшейся между нами. Она словно повисла в воздухе, став частью моего внутреннего мира. Выйдя в коридор, я почувствовал, как становится прохладнее. Голод внезапно напомнил о себе – пустым, глухим ощущением, которое невозможно было игнорировать. На секунду я задумался: не зайти ли в столовую? Дальше по плану у меня была городская библиотека, и перекусить действительно не помешало бы. Возле столовой царил настоящий хаос. Повара суетливо носились по кухне, выкладывая на подносы свежие пирожки, наполняя стаканы густым компотом. Аромат ванили и горячего теста был настолько сильным, что пробудил во мне далёкие воспоминания – те самые, которые почти не принадлежали мне, но всё же жили где-то глубоко в подсознании. Они были словно эхо из другого мира, из времени, когда всё казалось проще и радостнее. Я постоял у порога, вдыхая эти манящие запахи, но заставил себя уйти. Не хотелось задерживаться. Да и по пути была неплохая ко-

фейня. Оказавшись на школьном крыльце, меня сразу окутал прохладный зимний воздух, наполняя лёгкие свежестью. Ветра не было, и снег падал огромными хлопьями, медленно кружась в воздухе. На мгновение он словно застывал, как на фотографии, а затем снова продолжал свой неспешный путь к земле. Я сделал шаг в сторону автобусной остановки, чувствуя, как холод проникает сквозь одежду, но не вызывая дискомфорта. Позади мелькали макушки деревьев. И лишь на самом верху, вдалеке, можно было разглядеть очертания школы, которая, казалось, смотрела мне вслед и не собиралась уходить, пока я не уйду.

Я вошёл в кофейню, как обычно – чтобы взять кофе и на минуту забыть о своих делах. Место казалось тихим, почти пустым. Лишь в углу сидел какой-то парень с ноутбуком, что-то бурчал в телефон и делал глотки из большой кружки. Типичный фрилансер, подумал я.

Солнечный свет мягко стелился по столикам, воздух пах свежей выпечкой и зерновым эспрессо – уютная, знакомая атмосфера. Я уже потянулся к меню, как вдруг...

– Да ты меня послушай! Я всё про вас знаю!

Голос за прилавком прозвучал так резко, что я вздрогнул. Вслед за ним – грохот упавшей металлической посуды.

Бариста – девушка, лет тридцати, не больше – стояла, сжимая в одной руке телефон, а другой бестолково тыча в кнопки кофемашины. По её лицу катились слёзы, но она продолжала кричать в трубку, не обращая внимания на окружаю-

щих.

– Я же сказала, чтобы ты... – её голос дрожал, она вытерла ладонью слёзы, затем схватила стакан и с силой поставила его на стол.

Я замер. Все в кофейне замерли. Даже парень в углу оторвался от ноутбука.

В этот момент дверь распахнулась, и вошёл мужчина в дорогом пальто. Он даже не заметил напряжения в воздухе – просто подошёл к стойке и, не глядя на девушку, заказал:

– Девушка, будьте любезны, один латте большой с коричкой.

Голос у него был спокойный, но в нём чувствовалась привычка командовать.

Девушка вздрогнула, шмыгнула носом и, всё ещё прижимая телефон к уху, начала готовить напиток. Но её движения были резкими, нервными.

– А коричку, корицу забыли? – уже не так уверенно сказал мужчина, когда она поставила перед ним стакан.

– Коричку?! – она резко обернулась к нему, глаза красные от слёз.

– На тебе коричку, сука, на!

Она схватила банку с корицей и начала сыпать её в стакан – не щепотку, как положено, а горстями, пока специя не посыпалась на стойку. Потом, не выдержав, швырнула банку в стену. Банка ударилась, крышка отлетела, и коричный порошок взметнулся в воздух, оседая золотистой пылью в сол-

нечном луче.

Девушка вдруг закрыла лицо руками и, медленно сползая по стене, опустилась на пол. Её плечи тряслись от рыданий. В кофейне воцарилась мёртвая тишина.

Парень в углу чихнул от коричной пыли и смущённо про-
бормотал: «Извините».

Никто не двинулся к ней. Никто не спросил: «Что случилось?» Все просто смотрели, как будто наблюдали за спектаклем, в котором не хотели участвовать.

Я стоял, чувствуя, как неловкость сменяется стыдом. Мне хотелось уйти, но ещё больше – понять, что довело её до такого состояния.

Может, её бросили.

Может, умер кто-то.

А может, она просто устала – от людей, от работы, от этой бесконечной рутины, где каждый день одно и то же: кофе, улыбки клиентам, пустые «спасибо», а вечером – холодная квартира и осознание, что завтра всё сначала.

И сегодня чаша переполнилась.

Я вышел последним. Перед тем как закрыть дверь, перевернул табличку на «Закрыто».

Из-за стойки доносились тихие всхлипы.

Я надеялся, что теперь её хотя бы оставят в покое.

Отойдя от кофейни на некоторое расстояние и закулив, я почувствовал, как аромат корицы наполнил всю улицу. Казалось, что этот пряный запах пропитал воздух вокруг.

Я взглянул на часы и понял, что времени на перекус уже не осталось. Пора было отправляться в библиотеку. Когда я подходил ко входу в это книжное царство, которое, как мне кажется, не так часто посещают, я почувствовал что-то из прошлого, какую-то мимолетную ностальгию. В детстве, когда я учился в школе, мне нравилось приходить на больших переменах в школьную библиотеку.

Но это место было другим. Здание было довольно скромным и построено в начале 80-х годов.

При входе меня встретила широкая лестница, которая как бы приглашала подняться наверх, где хранятся знания всего человечества. Поднимаясь по лестнице, я встретил библиотекаря и сразу же спросил её о компьютере в архиве, который сломался. Она была рада услышать, что я пришёл починить его, и попросила подождать пару минут, после чего она проведёт меня в архив.

Я рассматривал мозаику на стене, на которой были изображены люди с открытыми книгами, над которыми возвышались научные достижения прошлого века. У одного из людей, изображённых на мозаике, видимо, из-за времени или из-за того, что её задела, откололась половина лица.

Но нашлись люди, которые восстановили мозаику, точнее, просто покрасили недостающую часть. Я услышал стук каблучков и обернулся.

– Ну что, идём? – спросила библиотекарь.

Я ещё раз взглянул на мозаику, затем оторвался от перил,

к которым прислонился, и пошёл за ней.

В слабо освещенном коридоре, где, казалось, время остановилось уже несколько десятилетий назад, мы приближались к таинственному кабинету. Библиотекарь открыла передо мной дверь, и я переступил порог.

В помещении царил полумрак. Вдоль стен выстроились железные ящики, а несколько столов дополняли обстановку. В углу и на ящиках росли какие-то кустарники или цветы – я не был специалистом в растениях, но одно было очевидно: кабинет утопал в зелени. Природа словно оживила это место, пустив корни в, казалось бы, не предназначенном для неё пространстве.

– Вот, – указала она на компьютер.

Я снял куртку и шапку и, оглядевшись, уточнил.

– Так это и есть архив библиотеки?

– Да, – ответила она, складывая папки на столе. – Ну, мы называем его «архив», здесь просто хранятся старые документы, а на этом компьютере мы печатали бирки с адресами и формы.

– То есть у вас стоит компьютер, который выполняет одну задачу – печать какой-то формы и бирки? – уточнил я.

– Ну да, – удивленно ответила мне библиотекарь.

Я смотрел на неё и не знал, что сказать. Передо мной была женщина лет шестидесяти, а может, и старше, которая уже давно должна была уйти на пенсию. Но она продолжала при-

ходить сюда и клеить бирки, а возможно, и заниматься ещё чем-то.

В этот момент в кабинет вошла девушка.

– Ой, Надежда Валентиновна, – громко произнесла она, – как у вас вкусно пахнет! Что это, корица?

– А весь коридор пахнет, – ответила Надежда Валентиновна, – наверно, у кого-то новый парфюм.

И только я один знал, откуда этот запах, но не подал виду, что я в курсе.

Я подошел к старенькому компьютеру и попытался его включить, и, что самое интересное, он даже включился. Но так и не смог загрузить операционную систему.

«Понятно», – сказал я, доставая из сумки оборудование для диагностики.

– Чай будешь? – спросила Надежда Валентиновна девушку, которая, видимо, работала в соседнем кабинете.

– Не-е, – ответила она, – хочу успеть в пункт выдачи, пока обед не закончился. Она вышла из кабинета, и окончание фразы было слышно уже из коридора, под звуки быстрых шагов.

– А вы, молодой человек? Совсем забыла представиться. Или это мы с вами по телефону разговаривали?

– Антон, – ответил я, подняв немного голову и посмотрев на библиотекаря: «Нет, со мной вы не разговаривали».

– А меня зовут Надежда Валентиновна, – после чего раздался звук удара ложки об кружку.

– Вы чай будете? – спросила она меня. В этот момент я разбирал компьютер, и, конечно, хотелось бы что-то выпить.

– Да, буду, – она даже немного удивилась, может быть, думала, что я скромно откажусь.

– Вот, пожалуйста, чай, берите коржики.

Конечно, мне хотелось есть, учитывая, что обед у меня не состоялся.

– Да, спасибо, – ответил я и запустил диагностику жесткого диска на компьютере.

Я сидел, наслаждаясь вкусом коржика, а за окном солнце медленно скрывалось за панельными многоэтажками. Надежда Валентиновна суежилась вокруг, открывая и закрывая металлические ящики. Я же, продолжая жевать, смотрел на стену и ждал, когда закончится диагностика, чтобы наконец сказать, что этот жёсткий диск своё отработал и его пора отправить на заслуженный отдых. Через некоторое время я увидел результаты тестирования жёсткого диска. Как я и предполагал, диск оказался неисправен и не годился для дальнейшей работы. Я обратился к Надежде Валентиновне, которая обернулась ко мне с надеждой в глазах, ожидая хороших новостей. Я сообщил ей о поломке жёсткого диска.

Её реакция была тревожной: «Да вы что?» – воскликнула она. Затем, закрыв очередной железный ящик, она подошла ближе и спросила: «И что же теперь будет?»

Я попытался её успокоить. У меня не было с собой замены, но я пообещал, что зайду к ней на следующий день, что-

бы поменять диск, и всё будет в порядке.

Она повторила «Хорошо, хорошо» несколько раз, как будто пыталась себя успокоить.

Выйдя из кабинета, я направился к выходу из библиотеки. Когда я спускался по лестнице, позади меня находилась та самая мозаика. Однако здесь не было ничего, что олицетворяла бы эта мозаика, за исключением, возможно, её отколовшихся частей, которые гармонично вписывались в текущие дела библиотеки.

7СМ.

На улице, как обычно, закурил. Шел снег, вокруг меня проходили люди, а я стоял и наслаждался зимней атмосферой. Жизнь вокруг меня текла в своём неторопливом ритме: кто-то спешил по делам, кто-то просто прогуливался, наслаждаясь свежестью падающего снега.

Над всем этим нависло серое, унылое небо. Казалось, даже оно устало от своей монотонности. В этот момент я остро почувствовал, как мне не хватает чего-то простого и тёплого, например, тарелки макарон с сыром.

Мои мысли были прерваны едва слышным телефонным звонком. Я машинально достал телефон из кармана и взглянул на номер звонящего. Это был незнакомый для меня номер.

– Да? – ответил я.

– Алло, Антон? Алло! Это вам звонят из планетария

«Звёздный дом», вы у нас никогда не были, и мне ваш номер дал, он произнес имя и отчество, но связь была плохой, а я не стал переспрашивать, кто именно. — Да, не был, — ответил я.

— Нам сказали, что вы нам поможете. Планетарию купили новый компьютер, вот надо подключить, настроить, наверное.

— Да, хорошо, — ответил я, потушив сигарету о край урны, которая едва возвышалась над снегом.

— В котором часу вы заканчиваете работу? — поинтересовался я.

— «Звёздный дом» закрывается в 17:00, — последовал ответ.

— Буду у вас через час, — сказал я, и на этом наш разговор закончился.

Я остановился на минуту, держа в руке телефон, и задумался: поехать на автобусе или прогуляться пешком? Затем я снова вспомнил о макаронах с сыром и, сам того не заметив, уже отправился в путь. А это означало, что выбор был сделан. Пошел вдоль дороги, которая, словно длинная тёмно-серая лента, убегала вдаль. Мимо меня постоянно проносились машины, и этот путь, конечно, показался мне очень монотонным.

В небе парили птицы, словно сошедшие с экрана, на котором показывали мультфильм, и как будто приглашали меня последовать за ними. Пройдя через серые жилые дома, я оказался во дворе, который неожиданно встретил меня сво-

им безмолвным уютом. Свет от фонарей пробивался сквозь ветви деревьев, создавая причудливые узоры на земле. Удивительно, но машин почти не было видно. Это не потому, что жильцы предпочли уехать по своим делам, а скорее потому, что здесь царила особая атмосфера покоя, в которой даже звук мотора казался бы чужеродным. Не хотелось уходить отсюда, хотелось остаться. Но было какое-то странное чувство. Едва заметная ностальгия, можно сказать, как будто меня связывает с этим местом много событий. Я еще раз осмотрел двор и пошел дальше неуверенными шагами, как будто кто-то уводил меня за руку отсюда. А я и не осознавал, что вряд ли сюда вернусь.

Я оказался на дороге, которая вела прямо к планетарию. Осталось пройти совсем немного. Я посмотрел на часы: было 15:40. «Успею», – подумал я и продолжил свой путь.

Ветра совсем не было, и я в компании медленно падающего снега шёл по тёмной улице, освещённой лишь одним фонарём, отдаляясь от него всё дальше и дальше, скрываясь в темноте, а снег так и продолжал идти...

В планетарии было тепло. Меня встретили молодой человек и девушка. Они улыбались по-настоящему, без налёта формальности, и по их настроению сразу было понятно – день у них особенный. Недавно «Звёздный дом» получил грант, и теперь впереди у них намечались перемены, которые они, похоже, предвкушали, как дети Новый год.

– Денис, – вдохновлённо сказал парень.

– Настя, – с такой же лёгкой радостью представилась де-вушка.

– Антон, – тихо ответил я, оценивая их обоих. Было ощущение, что они – не просто коллеги. Между ними чувствовалась мягкая, почти домашняя синхронность.

Они жестом пригласили меня идти за ними, как дорогого гостя.

Я видел на фотографиях огромные планетарии – с куполами, сияющими проектами, моделями спутников, макетами марсоходов, витринами, в которых каждая вещь будто держит в себе частичку истории. Я мечтал попасть в такое место, где всё дышит космосом.

Но сейчас всё было иначе. Этот планетарий был маленьким – всего две комнаты.

И в них царила особая, почти камерная атмосфера.

Стены были тёмные, словно космос в старых учебниках. На них расплывались изображения планет – те самые, из эпохи 80-х, нарисованные в духе советской космической романтики.

Не глянцевые, не «мультяшные», не стильные. А простые, честные, будто художник рисовал, опираясь больше на энтузиазм, чем на точные данные.

Меркурий – круглая коричневая крошка.

Юпитер – полосатый гигант, в котором линии слегка кри-
вили, как будто кисть дрожала от холода в помещении.

Нептун – насыщенно-синий, но с тоном гуаши, которая
давно высохла.

Планеты напоминали школьные стенгазеты, сделанные
пионерами, которые мечтали о далёких мирах, но имели
только краску, картон и желание верить в звёзды.

Было в этом что-то трогательное.

И почему-то знакомое.

Я шёл за Денисом и Настей, взгляд цеплялся за эти рисун-
ки, и внутри появилось странное чувство – будто я уже бы-
вал в таких стенах. Не в этом месте, но где-то рядом по духу.

Когда я был маленьким, то космос был только на выцвет-
ших страницах старых журналов.

А на крыше.

Той самой крыше, на которую я залезал в детстве, потому
что там было куда тише, чем в комнатах.

Там я ложился на холодный бетон, подложив под голову

куртку. И глядел в небо.

Звёзды тогда были ярче. Или мне так казалось, потому что я смотрел на них больше, чем на людей.

Они были не точками – они были как будто живыми. Каждая горела своим, отдельным светом, и я мог различать, какая из них мигает быстрее, какая – медленнее.

Там, на крыше, я чувствовал себя ближе к чему-то настоящему, чем к любому человеку вокруг.

Я ждал.

Не то чтобы всерьёз, но по-детски уверенно.

Ждал, что когда-нибудь они прилетят – те, кто знают, где моё место, кому я нужен.

Что свет в небе дрогнет, опустится, и я смогу уйти с ними туда, где никто не бросает и не забывает.

Это была моя единственная детская сказка.

Я не рассказывал её никому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.